

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/300-318

Научная статья

© В. Н. Буркова

АГРЕССИВНОЕ И ПОСТКОНФЛИКТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДЕТЕЙ, РАЗМЕРЫ ТЕЛА И ДИСТАНЦИЯ ОБЩЕНИЯ: КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ СРАВНЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ И ТБИЛИСИ

Работы, направленные на изучение связи размеров тела и агрессии с использованием психологических опросников, указывают на наличие такой взаимосвязи у детей и подростков, однако полученные результаты довольно противоречивы. Данное исследование проведено с использованием прямого невключенного наблюдения за детьми на детских площадках г. Москвы (Россия) и г. Тбилиси (Грузия), всего зафиксировано 288 конфликтов (183 — русские, 105 — грузины). Стратегии агрессии и примирения проанализированы с учетом размеров тела участников конфликта и их пространственного поведения, что позволило выделить универсальные и культурно-специфические черты данных видов поведения в естественных условиях игрового взаимодействия. В такой взаимосвязи указанный феномен изучался впервые. Вклад морфологических (пол, размеры тела) и психологических (используемые стратегии агрессии и примирения) характеристик человека в экспрессию агрессивного и постконфликтного поведения носит универсальный характер; культурные различия проявились в типах применяемой агрессии и примирения. Пространственные характеристики были обусловлены культурным фактором — грузинские дети общались на более короткой дистанции во всех фазах конфликта. Наши данные не подкрепляют раннее полученные результаты о том, что более высокие и крупные школьники имеют более низкие оценки по агрессии, а низкие и худые школьники более враждебны и склонны к дракам и ссорам. Результаты наблюдений подтверждают идею дисбаланса сил между агрессором и жертвой и указывают на то, что в большинстве случаев обидчик выше и крупнее жертвы. В целом, дети демонстрируют высокий примирительный потенциал, что указывает на понимание детьми важности поддержания целостности группы.

Ключевые слова: дети, агрессия, постконфликтное поведение, размеры тела, дистанция общения, русские, грузины

Ссылка при цитировании: Буркова В. Н. Агрессивное и постконфликтное поведение детей, размеры тела и дистанция общения: кросс-культурное сравнение на примере Москвы и Тбилиси // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 300–318.

Буркова Валентина Николаевна — к.и.н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А); Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 109028, Москва, Мясницкая ул., 20). Эл. почта: burkovav@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4777-0224>

* Работа выполнена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/300-318

Original Article

© *Valentina Burkova*

AGGRESSIVE AND POSTCONFLICT BEHAVIOR AMONG CHILDREN, BODY SIZES AND DISCTANCE OF COMMUNICATION: CROSS-CULTURAL COMPARISON ON THE EXAMPLE OF MOSCOW AND TBILISI

Studies on the relationship between body size and aggression using psychological questionnaires indicate the presence of this correlation in children and adolescents, but the results are contradictory. This study was conducted using direct non-involved observation of children from two ethnic groups at the playgrounds of Moscow (Russia) and Tbilisi (Georgia). 288 conflicts were recorded (183 — Russians, 105 — Georgians). The strategies of aggression and reconciliation are analyzed taking into account the body size of the participants and their spatial behavior, which made it possible to identify the universal and culturally specific features of these types of behavior in the natural game interaction. This is the first time aggression and reconciliation are being studied in the light of these relationships. The contribution of morphological (sex, body size) and psychological (aggression and reconciliation strategies used) characteristics of a person to the expression of aggressive and post-conflict behavior is universal — cultural differences manifested themselves in the types of aggression and reconciliation. Spatial characteristics were determined by the ethnicity factor — Georgian children communicated at a shorter distance in all phases of the conflict. Our data do not support previous findings that taller, larger students score lower in aggression, while shorter, thinner students are more hostile and prone to fighting and arguing. Our observations support the idea of an imbalance of power between the aggressor and the victim and indicate that in most cases the offender is taller and larger than the victim. However, children show a high reconciliatory potential, which indicates that children understand the importance of maintaining the integrity of the group.

Keywords: *children, aggression, postconflict behavior, body size, distance of communication, Russian, Georgian*

Author Info: **Burkova, Valentina N.** — Ph. D. in History, Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation); National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: burkovav@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4777-0224>

For citation: Burkova, V. N. 2023. Aggressive and Postconflict Behavior Among Children, Body Sizes and Distance of Communication: Cross-cultural Comparison on the Example of Moscow and Tbilisi. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 300–318.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Исследователи давно задумались о том, как физические параметры человека могут влиять на его поведение, в особенности на агрессивные и пространственные взаимодействия (Буркова 2020а; Феденок, Буркова 2021). Ранние работы физических антропологов и конституциональных психологов указывали на то, что преступники по своему телосложению были более высокие, крупные и мускулистые (Ксенофонтова 2015; Shasby 1978; Sheldon 1949). Многочисленные работы психологов, основанные на самооценке респондентов, демонстрировали наличие взаимосвязи между агрессивным поведением детей и подростков и их размерами тела. Однако, результаты данных исследований довольно противоречивы и имеют ряд ограничений, например, не учитывался фактор этничности респондентов или выборки смешивались. Подробный обзор исследований по данной тематике представлен в нашей недавней работе (Буркова 2020а).

Имеющиеся исследования показывают, что большая масса тела может быть причиной как травли со стороны сверстников (Pearce et al. 2002), так и причиной агрессивного поведения самих детей. Так, в работах было продемонстрировано, что повышение уровня агрессии у подростков с большими размерами тела по отношению к сверстникам было отмечено у девушек (Pinhey 2002) или в определенных возрастных группах (Буркова 2020б; Gallup, Wilson 2009; Raine et al. 1998; Vila et al. 2004).

Исследований, проведенных в непосредственных условиях возникновения конфликтов методом наблюдения, на порядок меньше, что связано как трудоемкостью такого подхода, так и с этическими ограничениями. Ряд работ выполнены в экспериментальной среде, другие — в естественных условиях (непосредственные наблюдения за детьми во время их взаимодействий) (Буркова 2021; Butovskaya 2001; Dodge et al. 1990; Craig, Pepler 1998; Pepler, Craig 1995; Verbeek 2008). В первом случае, в экспериментальных условиях исследователи лучше контролируют участников конфликта и пространство, в котором происходит взаимодействие, однако, такие наблюдения могут не отражать реальных повседневных взаимодействий детей со сверстниками, поскольку присутствие экспериментатора и контроль действий участников в любом случае ограничивают поведение детей и влияют на него. В настоящее время применимость проективных и лабораторных методов ставится под сомнение в связи с их несоответствием реальным формам поведения людей (Феденок, Буркова 2021).

Более реалистично отражающим поведение детей является метод невключенного наблюдения в естественной среде — на школьных переменах, на школьном дворе, игровой площадке и т.д. Наши предварительные результаты по русским детям (равно как и другие работы по изучению пространственного поведения) показывают, что данный метод дает высокую внешнюю достоверность полученных данных (Буркова 2021; Феденок, Буркова 2021). Однако, он имеет определенные трудности и ограничения: 1) большая трудоемкость метода — исследователь-наблюдатель вынужден ждать естественного возникновения интересующей его формы поведения и пытаться зафиксировать все нюансы данного поведения от начала до конца «в надежде», что никакие факторы внешней среды данный процесс не нарушат; 2) выбор оптимального расстояния для наблюдения (близкое расстояние может вызвать реакцию детей и как следствие, ограничение их взаимодействий между собой, тогда как слишком большое расстояние не позволит заметить скрытые или малозаметные вербальные и непрямые формы агрессии, такие как наговоры за спиной, угрозы или оскорбления); 3) ограничение по возрасту (по мере взросления дети и подростки

чаще используют менее видимую косвенную агрессию, а также с ростом социальной компетентности начинают ограничивать свои агрессивные взаимодействия, когда за ними наблюдают (*Bjorkqvist et al.* 1992; *Lagerspetz et al.* 1988)); 4) этические вопросы (в настоящее время получить разрешение на запись поведения всех участников процесса (детей и школьного персонала, родителей) и установку камер и микрофонов не представляется возможным, и как следствие, исследователь ограничен своими личными возможностями невключенного наблюдения); 5) трудоемкость метода наблюдения (большое количество времени в ожидании конфликта и его полной фиксации от начала до конца) и невозможности видеосъемки конфликтов как в силу этических, так и объективных причин (исследователь не знает, в какой момент произойдет конфликт); 6) оценка наблюдаемого поведения проводится одним (редко двумя) экспертом, что исключает расчет оценки согласованности мнений экспертов по поводу каждого эпизода взаимодействия.

Из наиболее значимых работ, проведенных с использованием метода наблюдения в естественной среде необходимо отметить работы Д. Пеплер с соавторами (*Craig, Pepler* 1998; *Pepler, Craig* 1995; *Pepler et al.* 1994; *Atlas, Pepler* 1998) с использованием видеосъемки на школьных пространствах. В данных исследованиях целенаправленно изучалась травля (буллинг) как один из видов агрессивного поведения между одноклассниками. Результаты исследования показали, что в большинстве случаев агрессоры были более высокие и более тяжелые по весу, чем жертвы (*Atlas, Pepler* 1998).

Кросс-культурное исследование агрессивного и постконфликтного поведения детей из разных культурных сред было проведено М. Л. Бутовской с соавторами — были выявлены универсальные паттерны поведения на примере калмыцких, русских, американских, шведских и итальянских детей — время примирения, гендерные различия, способы примирения (*Butovskaya et al.* 2000). Размеры тела и пространственная ориентация участников конфликта в данных работах не учитывалась.

Цель данной работы — на основе непосредственного наблюдения за поведением русских и грузинских детей (г. Москва и г. Тбилиси) в естественных условиях игрового взаимодействия (на детских площадках) проанализировать стратегии агрессии и примирения с учетом размеров тела участников конфликта (относительно друг друга) и пространственного поведения, а также выделить универсальные и культурно-специфические черты данных видов поведения. Анализ полученных данных позволит выявить вклад морфологических (пол, размеры тела), психологических (используемые стратегии агрессии и примирения), пространственных и этнических характеристик человека в экспрессию агрессивного и постконфликтного поведения. В данной взаимосвязи указанный феномен изучается впервые.

Участники исследования

Данные собраны в 2019–2021 гг. на детских площадках г. Москвы (Россия) и г. Тбилиси (Грузия). Всего зафиксировано 288 конфликтов, из которых 183 произошло среди российских детей, 105 — среди грузинских. Разбивка эпизодов по парам представлена в табл. 1. Возраст респондентов варьировал от 5 до 12 лет. Данный возрастной диапазон снимает ограничения по реактивности детей на эксперта-наблюдателя, указанные выше, — в данном возрасте дети не замечают наблюдения исследователя

за ними, а скорее принимают его за взрослого (другого родителя), следящего за своими детьми. Кроме того, дети более старшего возраста уже не проводят столько времени на детских площадках, и наблюдение за ними требует других условий.

Этничность определялась на основе оценки эксперта-наблюдателя, исключаящего любых внешне отличающихся от этнического большинства участников (так из выборки условно русских детей были исключены конфликты с детьми из Средней Азии и Кавказа, внешне отличающимися, а среди детей из Тбилиси не учитывались конфликты с русскими, украинскими или другими детьми, которые визуально отличались от большинства), чтобы исключить влияние этнического фактора (смещение выборки). Также исключались из наблюдения дети, говорившие на других языках. Однако, стоит отметить, что данное определение этничности является условным в нашем исследовании, так как обе столицы являются полиэтничными городами и определить в исследуемых условиях этничность ребенка представляет собой довольно сложную задачу, а само по себе определение «русские» является расплывчатым. Скорее речь идет о русскоязычных и грузиноязычных детях, проживающих в Москве и Тбилиси. Метод невключенного наблюдения не предусматривает и не позволяет задать вопрос об этнической идентичности детей или их родителей на детских площадках, родной язык каждого конкретного ребенка также не выяснялся. Таким образом, далее по тексту термины «русские» и «грузины» используются с определенной долей условности и с учетом описанных ограничений.

Количественный перевес конфликтов в Москве связан с большей продолжительностью времени, потраченного на наблюдения, тогда как в Тбилиси автор исследования был ограничен сроками экспедиции (при статистических расчетах были использованы средние данные). Количественный перевес мальчиков связан с тем, что девочки гораздо чаще используют вербальные и непрямые виды агрессии, которые сложнее заметить, тогда как мальчики предпочитают физическую агрессию, которая более видна, на что раньше обращали внимание разные исследователи (*Bjorkqvist et al.* 1992; *Pepler, Craig* 1995). В начале исследования эксперт-наблюдатель фиксировал все конфликты, тогда как к концу проведения полевой работы приходилось фокусироваться исключительно на конфликтах между девочками, чтобы набрать необходимый статистический материал.

Таблица 1

Характеристика выборки

Место исследования		Кол-во эпизодов	Итого
Москва	мальчики	85	183
	смешанные пары	48	
	девочки	50	
Тбилиси	мальчики	40	105
	смешанные пары	34	
	девочки	31	
Итого		288	

Методы исследования

Для фиксирования агрессивного и постконфликтного поведения был использован метод прямого невключенного наблюдения за участниками конфликта (сплош-

ное протоколирование и фиксация ключевых форм исследуемого поведения) в естественных условиях свободного взаимодействия (детские площадки). Несмотря на трудоемкость избранного метода, полагаем, что именно прямое наблюдение за поведением позволяет количественно и качественно оценить и описать разные формы социальных взаимодействий, исключив субъективную оценку своего поведения респондентом, и показать, как в реальной жизни, а не в искусственно созданной среде, происходят агрессивные и постконфликтные взаимодействия между детьми. Стоит отдельно отметить, что фиксировался любой вид агрессивного поведения, не ограничиваясь буллингом. Наблюдение за парой начиналось в тот момент, когда происходил конфликт в любой форме (физической или вербальной), и длилось 20 минут или прекращалось ранее, если произошло примирение за более короткое время, или кто-либо из участников ушел и более не возвращался, или конфликт начинался заново после уже случившегося примирения (такие случаи дополнительно фиксировались как повторный конфликт).

Детские площадки — это один из видов общественных пространств, которые предполагают максимально открытый доступ и представляют обширные возможности для различного вида контактов. Это идеальное место для изучения естественных взаимодействий со сверстниками, так как дети определенного возраста проводят значительную часть дня на игровой площадке (особенно дошкольники), в течение которого они могут выбирать своих партнеров для игры. В нашей работе наблюдения проводились на 6-ти площадках одного из типовых жилых районов г. Москвы и на 6-ти площадках одного из типовых жилых районов г. Тбилиси. Для изучения индивидуальной дистанции, на которой происходит и заканчивается конфликт, был разработан метод «сетового картирования площадки». Данный метод предполагает фактическое измерение детских площадок, на которых происходило наблюдение за детьми, разбивка данной площадки на схеме на квадраты с заданным равным числом, с указанием реального расстояния между объектами площадки (малые и большие игровые формы — качели, горки, песочницы и т.д.). Примененная разбивка позволила максимально сузить погрешность при подсчете пространственного положения участников конфликта относительно игровой площадки и друг друга в разные фазы конфликта (начало и конец). Схема площадки была добавлена на бланк наблюдения. Отметим, что данная методика была использована в силу этических ограничений — находясь в общественном месте, которым выступает детская площадка, невозможно измерять фактическое расстояние между участниками конфликта, так как, во-первых, эксперт окажет непосредственное влияние на течение самого конфликта, во-вторых, непосредственное измерение может быть расценено родителями и иными сопровождающими детей лицами как определенная угроза, а получение согласия у каждого родителя в данных условиях невозможно.

Для наблюдения за детьми был использован специально разработанный бланк регистрации форм поведения (этограмма), учитывающий следующие данные: место и время конфликта с фиксацией исследуемых элементов поведения от начала конфликта до его завершения, виды используемой агрессии (физической и вербальной, прямой и непрямой), пол, возрастная группа, элементы постконфликтного поведения (инициатор примирения, вид примирения, время от начала конфликта до примирения), участие третьих лиц в конфликте и при его разрешении, размеры тела участников конфликта, пространственное положение участников конфликта относительно

друг друга в разные фазы конфликта. В бланке также фиксировались такие параметры как — причина конфликта, характеристика участников конфликта (агрессор, жертва). Разница в росте и весе между агрессором и жертвой кодировалась для каждого эпизода. Эти категории служили индикатором дисбаланса сил между агрессором и жертвой. Категории не были мерой фактического роста и веса, а являлись относительной оценкой роста и веса агрессоров и жертв по отношению друг к другу.

Полученные данные были обработаны статистическими методами с помощью программы SPSS-27.

Результаты

Агрессивное поведение

Серия тестов Хи-квадрат (Chi-Square — χ^2) с использованием анализа таблиц сопряженности для оценки различий по используемым видам агрессии между парами (мальчики-мальчики, девочки-девочки, смешанные пары) с учетом культурного фактора показала достоверные различия в использовании физической агрессии для московских ($\chi^2=12,118$; $df=2$; $p=0,002$), но не для тбилисских детей ($\chi^2=0,438$; $df=2$; $p=0,803$). Под физической агрессией значились следующие типы поведения — толкание, вырывание чего-либо из рук, выкручивание рук, удары руками, ногами, удерживание за любую часть тела, драка, физическое препятствование что-либо делать, удары предметами или другими участниками конфликта. На *рис. 1* представлены различия частоты использования физической агрессии в двух изучаемых группах — отчетливо видно, что у московских детей прямое физическое насилие скорее было характерно для пар мальчиков (39,89% всех эпизодов против 16,94% между девочками и 16,94% в смешанных парах), тогда как у тбилисских детей такой большой разницы не наблюдалось (30,48% в парах мальчиков, 22,86% в парах девочек, 23,81% в смешанных парах).

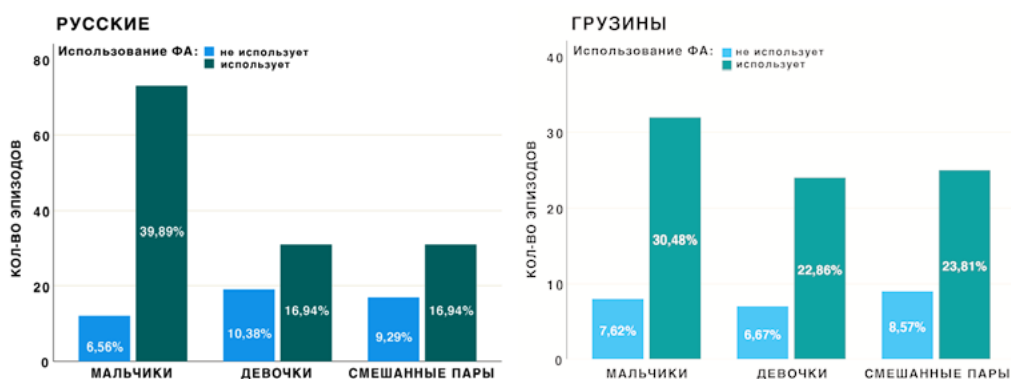

Рис. 1. Частота использования физической агрессии (ФА) в зависимости от типа пары (мальчики, девочки, смешанная по полу пара) и этничности

Достоверных различий в использовании вербальной агрессии по типам пар не было получено ни для русских детей ($\chi^2=12,118$; $df=2$; $p=0,002$), ни для грузинских

($\chi^2=0,438$; $df=2$; $p=0,803$). Под вербальной агрессией понимались следующие типы поведения — крики, обзывания, ругательства, повышение голоса, угрозы, дразнилки, наговоры и ябедничанье. Однако на *рис. 2*, несмотря на отсутствие статистически значимых различий, заметно, что мальчики из Москвы гораздо чаще используют вербальную агрессию по сравнению с мальчиками из Тбилиси.

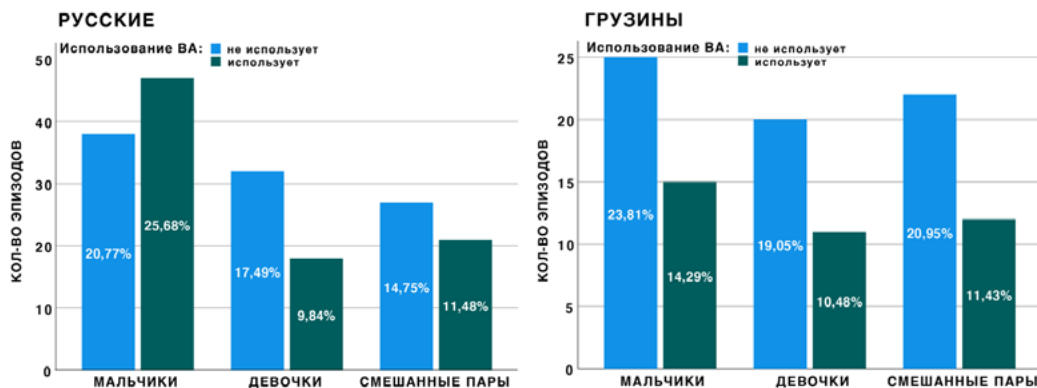

Рис. 2. Частота использования вербальной агрессии (ВА) в зависимости от типа пары (мальчики, девочки, смешанная по полу пара) и этничности

Распределение видов физической и вербальной агрессии, используемых агрессором и жертвой в двух исследуемых группах, представлены на *рис. 3* и *4*. Тбилисские дети более разнообразно пользуются всем «арсеналом» средств физического воздействия на соперника, особенно агрессоры. Наиболее популярными в обеих группах являются такие типы физической агрессии как толкание и вырывание каких-либо предметов из рук, или выкручивание рук (*рис. 3*). Больше количество прямых столкновений (драк) наблюдалось у детей из Грузии (*рис. 3*).

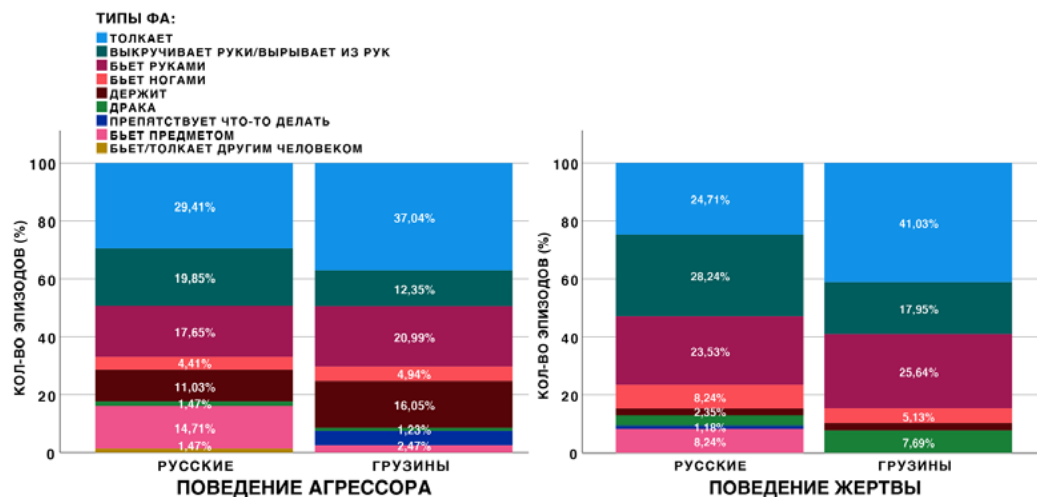

Рис. 3. Распределение видов физической агрессии (ФА), используемой агрессором и жертвой в зависимости от этничности

По видам используемой вербальной агрессии наблюдается больше культурных различий — московские дети-агрессоры чаще наговаривают за спиной и ябедничают, чем дети из Тбилиси (рис. 4), также гораздо чаще используют обзывания (27,27% у русских детей против 8,33% у грузин, в случае поведения агрессора; 35,16% у русских детей против 3,85% у грузин, в случае поведения жертвы) (рис. 4). Для грузинских детей наиболее распространенным видом вербальной агрессии были повыше-ние голоса на соперника и крики.

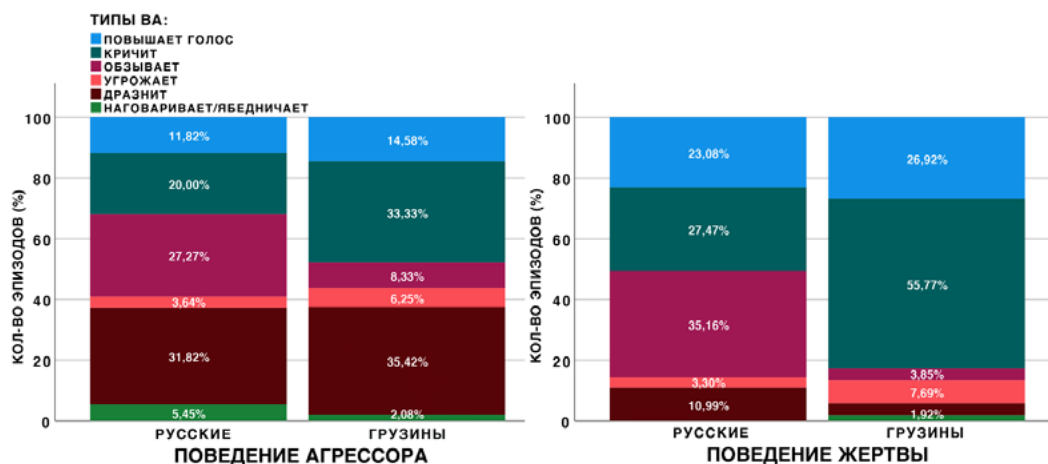

Рис. 4. Распределение видов вербальной агрессии (ВА), используемой агрессором и жертвой в зависимости от этничности

Размеры тела и агрессия

Для измерения дисбаланса физических сил агрессора и жертвы использовалась кодировка разницы в размерах тела (росте и весе) между агрессором и жертвой для каждого эпизода отдельно (выше-ниже, крупнее-меньше). Тесты Хи-квадрат для оценки различий по размерам тела у агрессора и жертвы показали, что культурный фактор не играет значимой роли в данном распределении ни по массе тела ($\chi^2=2,575$; $df=2$; $p=0,276$), ни по росту ($\chi^2=3,358$; $df=2$; $p=0,187$), что говорит об универсальности данной взаимосвязи, не зависимой от этнического фактора. При разделении на пары, в которых происходил конфликт, более важным показателем был вес ($\chi^2=13,425$; $df=4$; $p=0,014$), чем рост ($\chi^2=6,621$; $df=4$; $p=0,157$).

Распределение результатов по парам представлено на Рис. 5, 6: во всех комбинациях пар процент случаев, когда агрессор был выше и крупнее жертвы был больше, чем варианты — нет разницы в размерах тела или агрессор ниже и меньше жертвы.

В 48,61% случаев всех конфликтов рост агрессора был выше, чем жертвы. Также и вес агрессора в 48,62% случаев был выше, чем у жертвы. Это в два раза больше случаев конфликтов, чем при условиях, что агрессор и жертва одного роста и веса (22,91% и 27,79%, соответственно), или когда жертва выше и крупнее обидчика (28,48% и 23,61%, соответственно). Схожие данные были получены в исследованиях буллинга, сделанных с помощью видеонаблюдений — в 37% случаев хулиганы

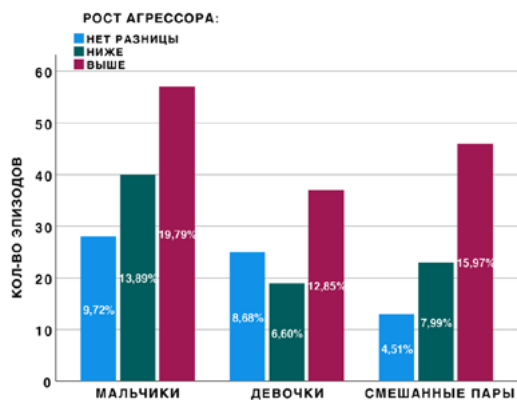

Рис. 5. Соотношение роста агрессора и жертвы в конфликтах

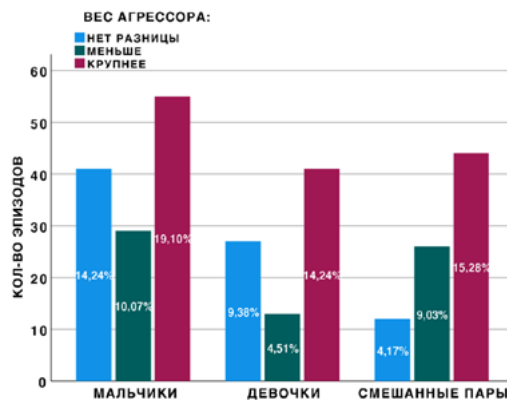

Рис. 6. Соотношение веса агрессора и жертвы в конфликтах

были выше и в 38% случаев крупнее, чем жертвы; в 18% и 25% эпизодов агрессоры и жертвы были одного роста и веса, соответственно; в 12% эпизодов агрессоры были ниже и в 9% эпизодов меньше жертвы (Atlas, Pepler 1998). Предыдущие исследования также показывают, что агрессоры физически сильнее и имеют большие размеры, а жертвы физически слабее и меньше (Olweus 1991). Согласно одной из объяснительных теорий такого дисбаланса более высокий и крупный ребенок на собственном опыте усваивает, что агрессия является эффективной стратегией для победы в социальных конфликтах и использует для этого свои физические преимущества (Raine et al. 1998). Внешние размеры тела используются детьми и подростками как индикаторы агрессора и его стараются избегать, что может проявляться и в пространственном поведении (Буркова, Бутовская 2008). Эти результаты подтверждают идею дисбаланса сил между хулиганом и жертвой, однако не стоит забывать и о невербальном поведении, через которое также может демонстрироваться доминантность и агрессия (тон голоса, позиция тела, жестикуляция и т. д.). Полученные нами данные следует интерпретировать с учетом того, что часть эпизодов связана с косвенной агрессией, которая не всегда видна при наблюдениях (хотя мы наблюдали несколько таких случаев, когда ребенок обижал другого с использованием силы третьего ребенка, предварительно ставив их или подговорив одного из них).

Постконфликтное поведение

Начиная с фиксирования элементов агрессивного поведения наблюдение проводилось вплоть до примирения сторон или другого исхода конфликта — ухода одного из участников ссоры, или заканчивалось по прошествии 20 минут (если примирение не произошло). Т-критерий Стьюдента не показал значимых различий между московскими и тбилискими детьми ни в отношении времени примирения ($t=0,437$; $df=184$; $p=0,667$), ни в отношении стороны инициации примирения ($t=-0,058$; $df=184$; $p=0,954$). Из 288 конфликтных эпизодов 181 (62,8%) закончился примирением между детьми, 10 случаев (3,5%) — примирением с помощью взрослого. При этом инициатором примирения в большинстве случаев был сам агрессор — 119 эпизодов (64%), жертва — в 36 эпизодах (19,4%) и по инициати-

ве третьего лица — в 30 случаях (16,1%). Эти результаты демонстрируют высокий примирительный потенциал детей и осознание важности социальных связей и ценности взаимодействия со сверстниками. Социальная группа, которая окружает ребенка, имеет большую ценность для его развития как источник информации, взаимопомощи, времяпрепровождения, и дети неосознанно понимают, что пребывание в коллективе должно быть комфортным, следовательно, происходящие конфликты в группе стоит разрешать как можно быстрее.

При разбивке пар по полу значимых различий по примирению также не было обнаружено, однако важно отметить, что девочки мирились чаще, чем мальчики, и делали это гораздо быстрее. Хуже всего с примирением дело обстояло в смешанных парах (см. табл. 2). Время от начала конфликта до примирения у детей дошкольного и младшего школьного возраста было короткое — в среднем конфликт оканчивался через 59 секунд после начала, при этом самый длинный конфликт с примирением длился 4 минуты 32 секунды, самый короткий — 5 секунд (примирение произошло сразу после конфликта). Разбивка времени по парам представлена в табл. 2.

Стремление детей к улаживанию конфликтов связано с тем, что стресс от случившегося наблюдается и у агрессора, и у жертвы, и сохраняется до момента примирения (*Aureli, Smucny 2000*), что подтверждается работами с измерением гормонального отклика на стресс — уровень стресс-гормонов не снижается ни у агрессора, ни у жертвы до тех пор, пока не произойдет примирение (*Butovskaya 2008*). Повышение тревоги у обоих оппонентов после конфликта приводит к тому, что примирение происходит достаточно быстро. В исследовании постконфликтного примирения у калмыцких детей было показано, что разрешение конфликта происходит в пределах одной минуты после него (*Butovskaya 2001*). Работы в других детских выборках (русские, американцы, шведы, итальянцы) указывают, что в большинстве конфликтов примирение происходит в течение 4 минут после конфликта, а в подавляющем большинстве — в течение первых двух минут (*Butovskaya et al. 2000*). При этом, девочки примиряются между собой в 2 раза быстрее, чем мальчики — в среднем за 33 секунды, тогда как мальчики — за 1 минуту 12 секунд, что, по всей видимости, указывает на большую социальную компетентность девочек в этом возрасте (*Lagerspetz et al. 1998; LaFreniere et al. 2002*), что также согласуется с полученными в настоящем исследовании результатами.

Сравнение способов примирения с использованием Т-критерия Стьюдента показало значимые различия между московскими и тбилисскими детьми ($t = -2,479$; $df = 186$; $p = 0,014$). Распределение типов примирения представлено на рис. 7 — дети из Москвы в большинстве случаев мирятся, приглашая к игре (50,82%), тогда как у тбилисских детей лидирующие места по примирению занимает приглашение к разговору — агрессор сам начинает разговор с жертвой (33,33%), и также приглашение поиграть вместе (30,30%). В наших более ранних работах мы также отмечали культурные различия в способах примирения между русскими, армянскими, осетинскими детьми и подростками (*Бутовская и др. 2006; Буркова 2010*). Такие различия обусловлены правилами поведения и этикетными нормами, принятыми в данных культурах.

Таблица 2

Частота и время примирения после конфликта в разных парах

Место проведения	Пара		Кол-во эпизодов	% эпизодов	Время примирения (мин.)
Москва	мальчики	нет примирения	28	32,9%	—
		примирение	56	65,9%	1,08 (0,05–4,32)
		примирение через взрослого	1	1,2%	—
	девочки	нет примирения	11	22%	—
		примирение	38	76%	0,36 (0,06–2,40)
		примирение через взрослого	1	2%	—
смешанная пара	нет примирения	21	43,8%	—	
	примирение	23	52,1%	1,23 (0,10–3,55)	
	примирение через взрослого	2	4,2%	—	
Тбилиси	мальчики	нет примирения	12	30%	—
		примирение	24	60%	1,07 (0,09–3,08)
		примирение через взрослого	4	10%	—
	девочки	нет примирения	8	25,8%	—
		примирение	23	74,2%	0,25 (0,05–1,08)
	смешанная пара	нет примирения	17	50%	—
		примирение	15	44,1%	1,24 (0,07–3,00)
		примирение через взрослого	2	5,9%	—
		примирение через взрослого	2	5,9%	—

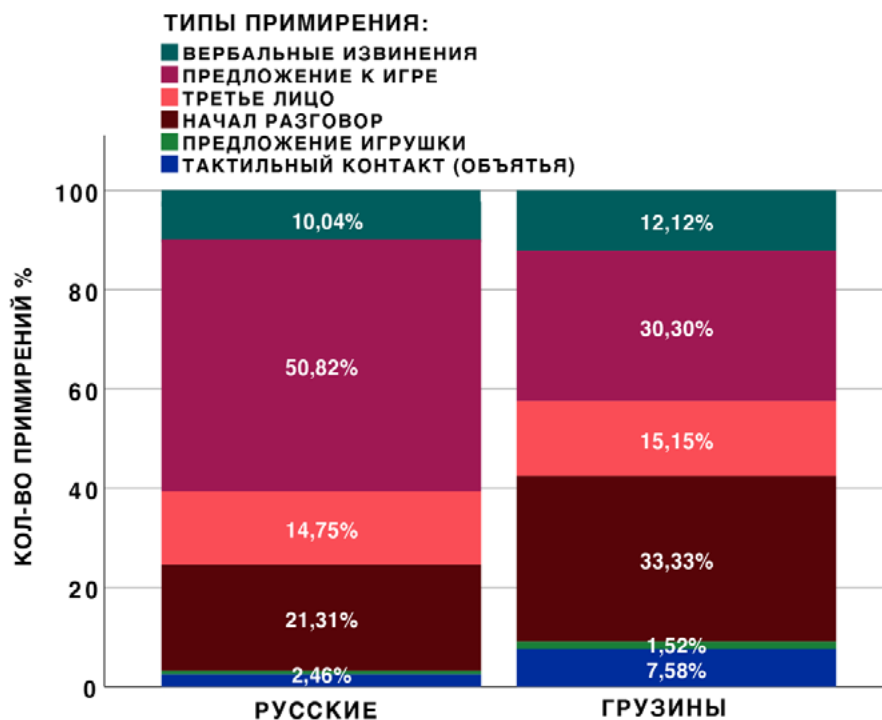

Рис. 7. Распределение типов примирения в зависимости от этничности

Пространственное поведение

Во время наблюдения за конфликтами фиксировалась дистанция между конфликтующими в начале конфликта и в конце при примирении. Индивидуальная дистанция — это среднее минимальное расстояние, на которое индивид подпускает к себе любого другого индивида, которая отражает структуру его социальных связей в группе (Бутовская, Плюснин 1995; Буркова и др. 2010). Пространственное поведение тесно связано с проявлением агрессии у человека (Буркова, Бутовская 2008). Персональное пространство позволяет оптимальным образом защитить себя от влияния окружающих и снизить по возможности стрессовое воздействие нежелательных контактов (Evans, Howard 1973). Кроме того, существуют культурные различия персонального пространства, обусловленные культурно-специфическими нормами общения (Hall 1963; Буркова и др. 2010).

Сравнение дистанции общения, на которой начинался конфликт, с использованием Т-критерия Стьюдента не показало значимых различий между двумя исследуемыми группами ($t=0,995$; $df=286$; $p=0,321$), однако, дистанция, на которой происходило примирение, значительно отличалась ($t=2,158$; $df=182$; $p=0,031$). В начале конфликта средняя дистанция у московских детей составляла 1,55 м против 1,38 м у тбилисцев, тогда как при примирении она увеличивалась до 2,26 м у московских детей против 1,88 м у тбилисских детей. Таким образом, в целом дистанция общения между детьми из Грузии была меньше как в начале, так и в конце наблюдения. В одной из наших ранних работ при сравнении русских детей и подростков с осетинскими было показано, что русские школьники общаются на большей дистанции, чем осетины (Буркова и др. 2010). По всей видимости, данные результаты отражают культурную специфику пространственного поведения.

Сравнение средних двух зависимых выборок (Paired T-Test) для целой выборки показало значимые различия в начальной и конечной дистанциях во время конфликта в обеих выборках, в том числе с разбивкой по парам (за исключением пар грузинских девочек) (см. табл. 3). В целом, при разворачивании конфликта дистанция общения была меньше, чем при примирении. При этом максимальную дистанцию держали девочки, минимальную — мальчики (табл. 3).

Увеличение дистанции при примирении вполне объяснимо — жертва стремится избегать общения с агрессором и держится от него подальше, ожидая его реакции на произошедший конфликт и боясь спровоцировать новое нападение. Более ранние исследования демонстрировали, что агрессоры часто нарушают персональную дистанцию общения, вызывая у собеседника тревогу, при этом минимальная дистанция наблюдается при наиболее острых конфликтах с использованием физической агрессии (Буркова, Бутовская 2008; Тлегенова 1990), однако прямых измерений дистанции в начале и в конце конфликта ранее не проводилось.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили проанализировать стратегии агрессии и примирения с учетом размеров тела участников конфликта (относительно друг друга) и пространственного поведения, а также выделить универсальные и культурно-специфические черты данных видов поведения на основе непосредственного наблюдения за поведением в двух группах детей из разных стран (г. Мо-

Таблица 3

Сравнение дистанции в начале конфликта и при примирении

Место исследования	Тип дистанции	Средние (в метрах)	SD	SE	t-крит.	df	p	Eta ²
Москва	Общая выборка							
	дистанция-конфликт	1,52	1,39	0,13	-5,516	117	2,1088E-7	-,508
	дистанция-примирение	2,26	1,17	0,11				
	Пары мальчиков							
	дистанция-конфликт	1,32	1,45	0,19	-4,659	55	0,00002	-,623
	дистанция-примирение	2,29	1,39	0,19				
	Пары девочек							
	дистанция-конфликт	1,79	1,17	0,29	-2,162	37	0,037	-,618
	дистанция-примирение	2,26	0,79	0,13				
	Смешанные пары							
	дистанция-конфликт	1,54	1,56	0,32	-2,277	23	0,032	-,351
	дистанция-примирение	2,21	1,14	0,23				
Тбилиси	Общая выборка							
	дистанция-конфликт	1,26	1,38	0,17	-3,003	65	0,004	-,370
	дистанция-примирение	1,88	1,13	0,14				
	Пары мальчиков							
	дистанция-конфликт	1,22	1,12	0,22	-3,119	26	0,004	-,347
	дистанция-примирение	2,15	1,35	0,26				
	Пары девочек							
	дистанция-конфликт	1,30	1,92	0,40	-0,381	22	не значимо	-,465
	дистанция-примирение	1,48	0,90	0,19				
	Смешанные пары							
	дистанция-конфликт	1,25	0,86	0,21	-3,873	15	0,002	-,457
	дистанция-примирение	2,00	0,89	0,22				

SD — стандартное отклонение, SE — стандартная ошибка, t — критерий Стьюдента, p — значимость, Eta² — показатель величины эффективного размера

сква и г. Тбилиси) в естественных условиях игрового взаимодействия. В данной взаимосвязи указанный феномен изучался впервые.

Анализ полученных данных показывает, что вклад морфологических (пол, размеры тела) и психологических (используемые стратегии агрессии и примирения) характеристик человека в экспрессию агрессивного и постконфликтного поведения носит универсальный характер. В целом культурные различия проявились исключительно в типах применяемой агрессии и примирения. Пространственные характеристики были более обусловлены фактором этничности — тбилисские дети общались на более короткой дистанции во всех фазах конфликта. По-видимому, это указывает на культурные различия персонального пространства, обусловленные культурно-специфическими нормами общения и традициями в данной этнической группе. Однако, отдельно стоит отметить, что данные результаты отражают региональную специфику и их нельзя обобщать в целом на грузин или русских. Паттерны поведения жителей различных регионов как России, так и Грузии, могут очень силь-

но отличаться и велика вероятность, что и у поведения детей тоже есть локальные различия. Данные различия могут быть выявлены только при проведении дополнительных исследований.

Наши результаты подтвердили ценность метода невключенного поведения и высокую внешнюю достоверность полученных данных о том, как в действительности происходит взаимодействие детей. Несмотря на многочисленные работы по связи размеров тела и агрессии с использованием самооценки респондентов, наши данные не подкрепляют ранее полученные результаты о том, что более высокие и крупные дети и подростки имеют более низкие самооценки по агрессии, а низкие и худые школьники более враждебны и склонны к дракам и ссорам. Напротив, результаты наших наблюдений подтверждают идею дисбаланса сил между агрессором и жертвой и указывают на то, что в большинстве случаев обидчик выше и крупнее жертвы. По меньшей мере, такие стратегии используются детьми в возрасте до 12 лет в обеих исследуемых группах.

Отдельно стоит обратить внимание на высокий примирительный потенциал детей — несмотря на большое количество конфликтов, дети примиряются быстро в большинстве случаев (в пределах 1 минуты), при этом чаще инициирует примирение именно агрессор, что указывает на понимание детьми важности поддержания целостности группы, равновесия и баланса в общении со сверстниками. Полученные данные могут быть использованы при разработке целевых профилактических программ по снижению буллинга среди детей. Социальные и здоровьесберегающие программы, нацеленные на снижение/повышение веса, должны учитывать психологическую и поведенческую составляющие проблемы.

Научная литература

- Буркова В. Н. Хорошего человека должно быть много?: Агрессия и ее связь с размерами тела // Этнографическое обозрение. 2020(а). № 3. С. 177–190. <https://doi.org/10.31857/S086954150010055-0>
- Буркова В. Н. Взаимосвязь самооценок агрессивного поведения московских школьников и общих размеров тела // Вопросы психологии. 2020(б). Т. 66, № 4. С. 70–80.
- Буркова В. Н. Пост-конфликтное поведение у русских и осетинских школьников: культурно-специфические и универсальные черты // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы Второй Международной научной конференции 26–27 мая 2010 г. В 2 т. / отв. ред. В. В. Гриценко. Смоленск: Изд-во «Универсум», 2010. Т. 2. С. 36–39.
- Буркова В. Н. Агрессор и жертва: психоморфологический портрет московского школьника // Научные аспекты современных исследований / Сборник научных работ 78-й Международной научной конференции Евразийского Научного Объединения (г. Москва, август 2021). М.: ЕНО, 2021. С. 257–264. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5497564>
- Буркова В. Н., Бутовская М. Л. Агрессия, доминантный статус и индивидуальная дистанция у российских подростков (на примере русских и осетин) // Человек в прошлом и настоящем: поведение и морфология. По материалам IV летней школы в РГГУ (19–20 июня 2007) «Поведение человека в настоящем и будущем» в Москве / отв. ред. М. Л. Бутовская. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 131–148.
- Буркова В. Н., Феденок Ю. Н., Бутовская М. Л. Пространственное поведение у детей и подростков (на примере русских и осетин) // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 77–91.
- Бутовская М. Л., Буркова В. Н., Тименчик В. М. Кросс-культурные различия пост-конфликтного поведения у русских и армянских школьников // Агрессия и мирное сосуществова-

- ние: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека / под ред. М. Л. Бутовской). М.: Научный мир, 2006. С. 107–145.
- Бутовская М. Л., Плюсин Ю. М. Принципы организации пространственного поведения у человека и высших приматов (сравнительный анализ) // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека / под ред. И. М. Золотаревой, Г. А. Аксяновой. М.: ИЭА РАН, 1995. 225 с.
- Ксенофонтова В. А. Морфологические маркеры психических и поведенческих особенностей девушек // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5, № 5. С. 722–725.
- Тлегенова Г. А. Влияние агрессивности на проксемические характеристики невербального поведения. Дипломная работа выпускницы кафедры социальной психологии факультета психологии. СПб., 1990.
- Феденок Ю. Н., Буркова В. Н. Подходы и методы к изучению проксемического поведения человека: аналитический обзор // Этнографическое обозрение. 2021. № 6. С. 165–188. <https://doi.org/10.31857/S086954150017940-4>
- Atlas R. S., Pepler D. J. Observations of Bullying in the Classroom // The Journal of Educational Research. 1998. Vol. 92. № 2. P. 86–99. <https://doi.org/10.1080/00220679809597580>
- Aureli F., Smucny D. New Directions in Conflict Resolution Research // Evolutionary Anthropology. 1998. № 6. P. 115–119. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1520-6505\(1998\)6:4<115::AID-EVAN1>3.0.CO;2-C](https://doi.org/10.1002/(SICI)1520-6505(1998)6:4<115::AID-EVAN1>3.0.CO;2-C)
- Bjorkqvist K., Lagerspetz M. J., Kaukianinen A. Do Girls Manipulate and Boys Fight?: Developmental Trends in Regard to Direct and Indirect Aggression // Aggressive Behavior. 1992. № 18. P. 117–127. [https://doi.org/10.1002/1098-2337\(1992\)18:2%3C117::AID-AB2480180205%3E3.0.CO;2-3](https://doi.org/10.1002/1098-2337(1992)18:2%3C117::AID-AB2480180205%3E3.0.CO;2-3)
- Butovskaya M. L. Reconciliation after Conflicts: Ethological Analysis of Post-Conflict Interactions in Kalmyk Children // Cross-Cultural Approaches to Aggression and Reconciliation / ed. by J. M. Ramirez, D. R. Richardson. Huntington, New York: Nova Science, 2001. P. 167–190.
- Butovskaya M. L. Reconciliation, Dominance and Cortisol Levels in Children and Adolescents (7–15-year-old boys) // Behaviour. 2008. Vol. 145. № 11. P. 1557–1576. <https://doi.org/10.1163/156853908786131342>
- Butovskaya M., Verbeek P., Ljungberg T., Lunardini A., Aureli F. A Multicultural View of Peacemaking among Young Children // Natural Conflict Resolution / ed. by F. B. M. de Waal. Berkeley: University of California Press, 2000. P. 243–258.
- Craig W. M., Pepler D. J. Observations of Bullying and Victimization in the School Yard // Canadian Journal of School Psychology. 1998. Vol. 13. № 2. P. 41–59. <https://doi.org/10.1177/082957359801300205>
- Dodge K. A., Coie J. D., Pettit G. S., Price J. M. Peer Status and Aggression in Boys' Groups: Developmental and Contextual Analyses // Child Development. 1990. Vol. 61. № 5. P. 1289–1309. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.1990.tb02862.x>
- Evans, G. W., Howard, R. B. A Methodological Investigation of Personal Space // Environmental design, research, and practice: Proceedings of the third environmental design research association conference / ed. by W. J. Mitchell. Los Angeles: University of California Press, 1973. P. 221–228.
- Gallup A. C., Wilson D. S. Body Mass Index (BMI) and Peer Aggression in Adolescent Females: An Evolutionary Perspective // Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology. 2009. Vol. 3. № 4. P. 356–362. <https://doi.org/10.1037/h0099310>
- Hall E. T. A System for the Notation of Proxemic Behavior // American Anthropologist. 1963. Vol. 65. P. 1003–1026. <https://www.jstor.org/stable/668580>
- LaFreniere P. J., Masataka N., Butovskaya M., Chen Q., Dessen M. A., Atwanger K., Schreiner S., Montirosso A., Frigerio A. Cross-Cultural Analysis of Social Competence and Behavior Problems in Preschoolers // Early Education & Development. 2002. Vol. 13. № 2. P. 201–219. https://doi.org/10.1207/s15566935eed1302_6

- Lagerspetz K. M., Bjorkqvist K., Peltonen T. Is Indirect Aggression Typical of Females? Gender Difference in Aggressiveness in 11- to 12-year-old Children // *Aggressive Behavior*. 1998. № 14. P. 403–414. [https://doi.org/10.1002/1098-2337\(1988\)14:6<403::AID-AB2480140602>3.0.CO;2-D](https://doi.org/10.1002/1098-2337(1988)14:6<403::AID-AB2480140602>3.0.CO;2-D)
- Olweus D. Bully/Victim Problems Among School Children: Basic Facts and Effects of a School Based Intervention // *The Development and Treatment of Childhood Aggression* / ed. by Rublin, K. and D. Pepler. New Jersey: Erlbaum. Hillsdale, 1991. P. 85–128.
- Pepler D. J., Craig W. M. A Peek Behind the Fence: Naturalistic Observations of Aggressive Children with Remote Audiovisual Recording // *Developmental Psychology*. 1995. № 31. P. 548–553. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.31.4.548>
- Pepler D. J., Craig W. M., Roberts W. R. Observations of Aggressive and Nonaggressive Children on the School Playground // *Merrill Palmer Quarterly*. 1998. № 44. P. 55–76. <https://www.jstor.org/stable/23093393>
- Pinhey T. K. A Research Note on Body Mass, Physical Aggression, and the Competitiveness of Asian-Pacific Islander Adolescents in Guam // *Social Biology*. 2002. № 49. P. 90–98. <https://doi.org/10.1080/19485565.2002.9989051>
- Raine A., Reynolds C., Venables P. H., Mednick S. A., Farrington D. P. Fearlessness, Stimulation-Seeking, and Large Body Size at Age 3 Years as Early Predispositions to Childhood Aggression at Age 11 years // *Archives of General Psychiatry*. 1998. Vol. 55. № 8. P. 745–751. DOI: 10.1001/archpsyc.55.8.745
- Shasby G. A Study of Behavior and Body Type in Troubled Youth // *Journal of School Health*. 1978. Vol. 213. № 48. P. 103–107. <https://doi.org/10.1111/j.1746-1561.1978.tb08083.x>
- Sheldon W. H. Varieties of Delinquent Youth: An Introduction to Constitutional Psychiatry. New York: Harper, 1949. 899 p.
- Verbeek P. Peace Ethology // *Behaviour*. 2008. Vol. 145. № 11. P. 1497–1524. <https://doi.org/10.1163/156853908786131270>
- Vila G., Zipper E., Dabbas M., Bertrand C., Robert J. J., Ricour C., Mouren-Siméoni M. C. Mental Disorders in Obese Children and Adolescents // *Psychosomatic Medicine*. 2004. Vol. 66. № 3. P. 387–394.

References

- Atlas, R. S. and D. J. Pepler. 1998. Observations of Bullying in the Classroom. *The Journal of Educational Research* 92 (2): 86–99. <https://doi.org/10.1080/00220679809597580>
- Aureli, F. and D. Smucny. 1998. New directions in conflict resolution research. *Evolutionary Anthropology*. 6: 115–119. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1520-6505\(1998\)6:4<115::AID-EVAN1>3.0.CO;2-C](https://doi.org/10.1002/(SICI)1520-6505(1998)6:4<115::AID-EVAN1>3.0.CO;2-C)
- Bjorkqvist K., M. J. Lagerspetz and A. Kaukianinen. 1992. Do Girls Manipulate and Boys Fight?: Developmental Trends in Regard to Direct and Indirect Aggression. *Aggressive Behavior* 18: 117–127. [https://doi.org/10.1002/1098-2337\(1992\)18:2<117::AID-AB2480180205>3.0.CO;2-3](https://doi.org/10.1002/1098-2337(1992)18:2<117::AID-AB2480180205>3.0.CO;2-3)
- Burkova, V. N. 2020. “Horoshego cheloveka dolzhno byt” mnogo”? Agressiya i ee svyaz” s razmerami tela [“There Must be a Lot of Good Man”? Aggression and Its Relation to Body Size]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3:176–189. <https://doi.org/10.31857/S086954150010055-0>
- Burkova, V. N. 2020(b). Vzaimosvyaz” samootcenok aggressivnogo povedeniya moskovskih shkol’nikov i obschih razmerov tela [The Relationship of Self-Score of Aggressive Behavior of Moscow Schoolchildren and Total Body Size]. *Voprosy psikhologii* 66 (4): 70–80.
- Burkova, V. N. 2021. Aggressor i zhertva: psihomorfologicheskij portret moskovskogo shkol’nika [Aggressor and Victim: Psychomorphological Portrait of Moscow Schollchild] In *Nauchnye aspekty sovremennyh issledovanij / Sbornik nauchnyh rabot 78j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Evrazijskogo Nauchnogo Obyedinenija* (Moscow, august 2021) [Scientific Aspects of Modern Research / Proceedings of the 78th International Scientific Conference of the Eur-

- asian Scientific Association (Moscow, August 2021)]. Moscow: ENO. 257–264. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5497564>
- Burkova, V. N. 2010. Post-konfliktnoe povedenie u russkikh i osetinskih shkol'nikov: kul'turno-specificheskie i universal'nye cherty [Postconflict Behavior Among Russian and Ossetian Schoolchildren: Cultural-Specific and Universal Traits]. In *Teoreticheskie problemy jetnicheskoj i kross-kul'turnoj psihologii: Materialy Vtoroj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 26–27 maja 2010* [Theoretical Problems of Ethnic and Cross-Cultural Psychology: Proceedings of the Second International Scientific Conference May 26–27, 2010], ed. by V. V. Gricenko. Vol. 2. Smolensk: Izd-vo "Universum". 36–39.
- Burkova, V. N. and M. L. Butovskaya. 2008. Agressiya, dominantniy status i individual'naya distanciya u rossiyskikh podrostkov (na primere russkikh i osetin) ["Aggression, Dominance Status and Individual Distance among Russian Adolescents (On Example of Russian and Ossetian)]. In *Chelovek v proshlom i nastoyaschem: povedenie i morfologiya. Po materialam IV letney shkoly v RGGU (19–20 iyunya 2007)* „Povedenie cheloveka v nactoyaschem i buduschem“ v Moskve [Man in the Past and Present: Behavior and Morphology. Based on Proceedings of the 4th Summer School at the Russian State University for the Humanities (June 19–20, 2007), „Human Behavior in the Present and the Future“ in Moscow], ed. by M. L. Butovskaya. Moscow: IEA RAN. 131–148.
- Burkova, V. N., J. N. Fedenok and M. L. Butovskaya. 2010. Prostranstvennoe povedenie u detej i podrostkov (na primere russkikh i osetin) [Spatial Behavior of Children and Adolescents (on Example in Russian and Ossetian)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 77–91.
- Butovskaya, M. L. 2001. Reconciliation After Conflicts: Ethological Analysis of Post-Conflict Interactions in Kalmyk Children. In *Cross-Cultural Approaches to Aggression and Reconciliation*, ed. by J. M. Ramires and D. R. Richardson. Huntington, New York: Nova Science. 167–190.
- Butovskaya, M. L. 2008. Reconciliation, Dominance and Cortisol Levels in Children and Adolescents (7–15-year-old boys). *Behaviour* 145 (11): 1557–1576. <https://doi.org/10.1163/156853908786131342>
- Butovskaya, M. L., V. N. Burkova and V. M. Timenchik 2006. Kross-kul'turnye razlichija post-konfliktno go povedenija u russkikh i armjanskih shkol'nikov [Cross-Cultural Differences of Postconflict Behavior Among Russian and Armenian Schoolchildren]. In *Agressija i mirnoe sosushhestvovanie: universal'nye mehanizmy kontrolja social'noj naprjazhennosti u cheloveka* [Aggression and Peaceful Coexistence: Universal Mechanisms to Control Social Tension in Humans], ed. by M. L. Butovskaya. Moscow: Nauchnyj mir. 107–145.
- Butovskaya, M. L. and Y. M. Plusnin. 1995. Principy organizacii prostranstvennogo povedenija u cheloveka i vysshih primatov (sravnitel'nyj analiz) [Principles of Organization of Spatial Behavior in Humans and Higher Primates (Comparative Analysis)]. In *Sovremennaja antropologija i genetika i problema ras u cheloveka* [Modern Anthropology and Genetics and the Problem of Races in Humans], ed. by I. M. Zolotareva, G. A. Aksianova. Moscow. P. 91–143.
- Butovskaya, M., P. Verbeek, T. Ljungberg, A. Lunardini and F. Aureli. 2000. A Multicultural View of Peacemaking among Young Children. In *Natural Conflict Resolution*, ed. by F. B. M. de Waal. Berkeley: University of California Press. 2000. 243–258.
- Craig, W. M. and D. J. Pepler. 1998. Observations of Bullying and Victimization in the School Yard. *Canadian Journal of School Psychology* 13 (2): 41–59. <https://doi.org/10.1177/082957359801300205>
- Dodge, K. A., J. D. Coie, G. S. Pettit and J. M. Price. 1990. Peer Status and Aggression in Boys' Groups: Developmental and Contextual Analyses. *Child development* 61(5): 1289–1309. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.1990.tb02862.x>
- Evans, G. W. and H. R. B. Howard. 1973. A Methodological Investigation of Personal Space. In *Environmental Design: Research and Practice: Proceedings of the third environmental design research association conference*, ed. by W. J. Mitchell. Los Angeles: University of California Press.

- Gallup, A. C. and D. S. Wilson. 2009. Body Mass Index (BMI) and peer aggression in adolescent females: An evolutionary perspective. *Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology* 3 (4): 356–362. <https://doi.org/10.1037/h0099310>
- Hall, E. T. 1963. A System for the Notation of Proxemic Behavior. *American Anthropologist* 65: 1003–1026. <https://www.jstor.org/stable/668580>
- Ksenofontova, V. A. 2015. Morfologicheskie marker psichicheskikh i povedencheskikh osobennostej devushek [Morphological Markers of Mental and Behavioral Characteristics of Girls]. *Byulleten' medicinskih internet-konferencij* 5 (5): 722–725.
- LaFreniere, P. J., N. Masataka, M. Butovskaya, Q. Chen, M. A. Dessen, K. Atwanger, S. Schreiner, A. Montiroso and A. Frigerio. 2002. Cross-Cultural Analysis of Social Competence and Behavior Problems in Preschoolers. *Early Education & Development* 13 (2): 201–219. https://doi.org/10.1207/s1556693Seed1302_6
- Lagerspetz, K. M., K. Bjorkqvist and T. Peltonen. 1998. Is Indirect Aggression Typical of Females? Gender Difference in Aggressiveness in 11- to 12-year-old Children. *Aggressive Behavior* 14: 403–414. [https://doi.org/10.1002/1098-2337\(1988\)14:6<403::AID-AB2480140602>3.0.CO;2-D](https://doi.org/10.1002/1098-2337(1988)14:6<403::AID-AB2480140602>3.0.CO;2-D)
- Olweus, D. 1991. Bully/Victim Problems Among School Children: Basic Facts and Effects of a School Based Intervention. In *The Development and Treatment of Childhood Aggression*, ed. by Rublin, K. and D. Pepler. New Jersey: Erlbaum. Hillsdale. 85–128.
- Pepler, D. J. and W. M. Craig. 1995. A Peek Behind the Fence: Naturalistic Observations of Aggressive Children with Remote Audiovisual Recording. *Developmental Psychology* 31: 548–553. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.31.4.548>
- Pepler, D. J., W. M. Craig and W. R. Roberts. 1998. Observations of Aggressive and Nonaggressive Children on the School Playground. *Merrill Palmer Quarterly* 44: 55–76. <https://www.jstor.org/stable/23093393>
- Pinhey, T. K. 2002. A Research Note on Body Mass, Physical Aggression, and the Competitiveness of Asian-Pacific Islander Adolescents in Guam. *Social Biology* 49: 90–98. <https://doi.org/10.1080/19485565.2002.9989051>
- Raine, A., C. Reynolds, P. H. Venables, S. A. Mednick and D. P. Farrington. 1998. Fearlessness, Stimulation-Seeking, and Large Body Size at Age 3 Years as Early Predispositions to Childhood Aggression at Age 11 Years. *Archives of general psychiatry* 55 (8): 745–751. <https://doi.org/10.1001/archpsyc.55.8.745>
- Shasby, G. 1978. A Study of Behavior and Body Type in Troubled Youth. *Journal of School Health* 213 (48): 103–107. <https://doi.org/10.1111/j.1746-1561.1978.tb08083.x>
- Sheldon, W. H. 1949. *Varieties of Delinquent Youth: An Introduction to Constitutional Psychiatry*. New York: Harper. 899 p.
- Tlegenova G. A. 1990. *Vliyanie agressivnosti na proksemicheskie kharakteristiki neverbal'nogo povedeniya* [Influence of Aggressiveness on the Proxemic Characteristics of Non-Verbal Behavior]. Master diss., Saint Petersburg State University.
- Fedenok, J. N., and V. N. Burkova. 2021. Podkhody i metody v izuchenii proksemicheskogo povedeniia cheloveka: analiticheskii obzor [Approaches and Methods for Studying Human Proxemic Behavior: An Analytical Review]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 165–188. <https://doi.org/10.31857/S086954150017940-4>
- Verbeek, P. 2008. Peace Ethology. *Behaviour* 145 (11): 1497–524. <https://doi.org/10.1163/156853908786131270>
- Vila G., E. Zipper, M. Dabbas, C. Bertrand, J. J. Robert, C. Ricour and M. C. Mouren-Siméoni. 2004. Mental Disorders in Obese Children and Adolescents. *Psychosomatic Medicine* 66 (3): 387–394.